

Антропология и палеодемография

ОБЫЧАЙ СКАЛЬПИРОВАНИЯ НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

К. Г. Карачаров, Д. И. Ражев

The paper reports on finding a cranial roof with traces of scalping in Sajgatinsky VI burial ground (Sajgatino). According to folklore materials, a scalping tradition was well known among West Siberian people, though evidences basing on anthropological material have been discovered for the first time. Scalping technique is totally identical to that used among North American Indians.

Феномен скальпирования, как любое действие, связанное с ритуализированным использованием частей человеческого тела, привлекает к себе постоянный интерес. Возникновение, технические аспекты и географические вариации этой традиции подробно изучены для территории Северной Америки. Основанием этому послужили обширные этнографические и антропологические материалы, имеющиеся для этого континента. Для Евразии письменные источники и устные предания фиксируют существование скальпирования начиная, по меньшей мере, с раннего железного века и у многих народов. По антропологическим данным этот ритуал прослеживается начиная с неолита [Dieck, 1969].

Первой отечественной работой, обобщившей письменные источники и палеоантропологические материалы с территории Евразии, свидетельствующие о снятии скальпов, является статья М. Б. Медниковой [2000]. В ней описаны несколько десятков случаев с очевидными и предполагаемыми следами снятия головной кожи. Все они происходят с территории Европы. В то же время нарративные источники сообщают о бытовании этого ритуала и в Азии, в том числе и на территории Западной Сибири.

В конце XIX века, анализируя героические сказания обских угров, выдающийся собиратель фольклора С. К. Патканов отмечал: «Чтобы доставить себе больше славы, а врагам унижения, победители имели обыкновение снимать с них их головную кожу (у́х-сòх). Ее эпитет в остяцких былинах — «радужным цветом отливающаяся» — вероятно, зависел от черного цвета их волос, имеющих действительно на солнце радужную игру. Впрочем, дословный перевод остяцких слов этого эпитета — соі вòлпан («подобная “зеркальцу” гагары (соі)», по словам остяков, есть точный перевод этого выражения) — мне не известен. Лишение головной кожи, вероятно, имело еще и другой мотив, именно основанный на своеобразном веровании остяков в загробную жизнь. Есть основания предполагать, что по их понятиям душа человека, лишённого скальпа, окончательно умирала. Эти кровавые трофеи так же высоко ценились в те времена у остяков, как отчасти теперь среди некоторых племен краснокожих индейцев Северной Америки. Уважение к князю росло по мере накопления у него неприятельских скальпов. С другой стороны, побежденный богатырь, если еще не терял сознание, всячески старался помешать своему противнику лишиться его головной кожи... — «если все пропало, то хоть честь спасена» [Патканов, 1891].

В «Сказании про двоих сыновей (мужа) Jâvetta-kêtre хуй и Târag-ской женщины», записанном С. К. Паткановым в низовьях Иртыша (южная группа хантов) в конце XIX в., говорится: «Удастся ли нам, двум мужам, отправляющимся в хлебородные земли чужестранцев, вернуться с нашими косатыми головами или нет, или наши души, обладающие руками и ногами, от нас, мужей, имеющих руки и ноги, придут в наш Târag-ский город мужа Jâvetta-kêtre хуй, **или же наши отливающиеся головные кожи будут где-либо сняты каким-нибудь мужем**» [Patkanov, 1897, p. 21]. «Ваши **головные кожи** не везите напрасно к многочисленным мужам самоедской стороны, чтобы они их у вас **содрали**; с вашими косатыми головами вам не вернуться домой» [Patkanov, 1897, p. 27–28].

Из приведенных отрывков видно, что скальпирование было некогда широко распространено на севере Западной Сибири у различных этнических групп. Скорее всего, перед нами довольно древнее явление культуры, которое на момент сложения легенд было распространено как у обско-угорских, так и у самодийских групп населения региона. Однако на вопросы, как давно существует практика скальпирования и насколько широко оно было распространено, легенды ответов не дают.

С этих позиций особое значение приобретает находка, сделанная при раскопках Сайгатинского VI могильника. В 1998 г. Археологической экспедицией Сургутского художественного музея при раскопках вблизи г. Сургута (61° 17' с. ш., 72° 55' в. д.) могильника Сайгатинский VI была вскрыта яма, сохранившаяся часть которой имела размеры 100×72 см и глубину около 40 см от современной поверхности (рис. 1). В ней была найдена черепная крышка человека 35–55 лет, сильно истлевшая неопределимая кость и фрагмент лошадиной челюсти. Кроме того, в яме был найден один целый сосуд и почти полный развал второго. Предварительно этот комплекс был обозначен как

«погребение 78». Однако несоответствие размеров ямы росту взрослого человека, состав инвентаря и тот факт, что объект примыкал непосредственно к парному воинскому погребению (погр. 76), дно которого было расположено глубже примерно на 40 см (80 см от современной поверхности), позволяют предполагать его культовый характер и связь с воинским погребением. Судя по набору вещей и двум радиоуглеродным датам время сооружения комплекса укладывается в период с конца X в. до первой половины XII в.

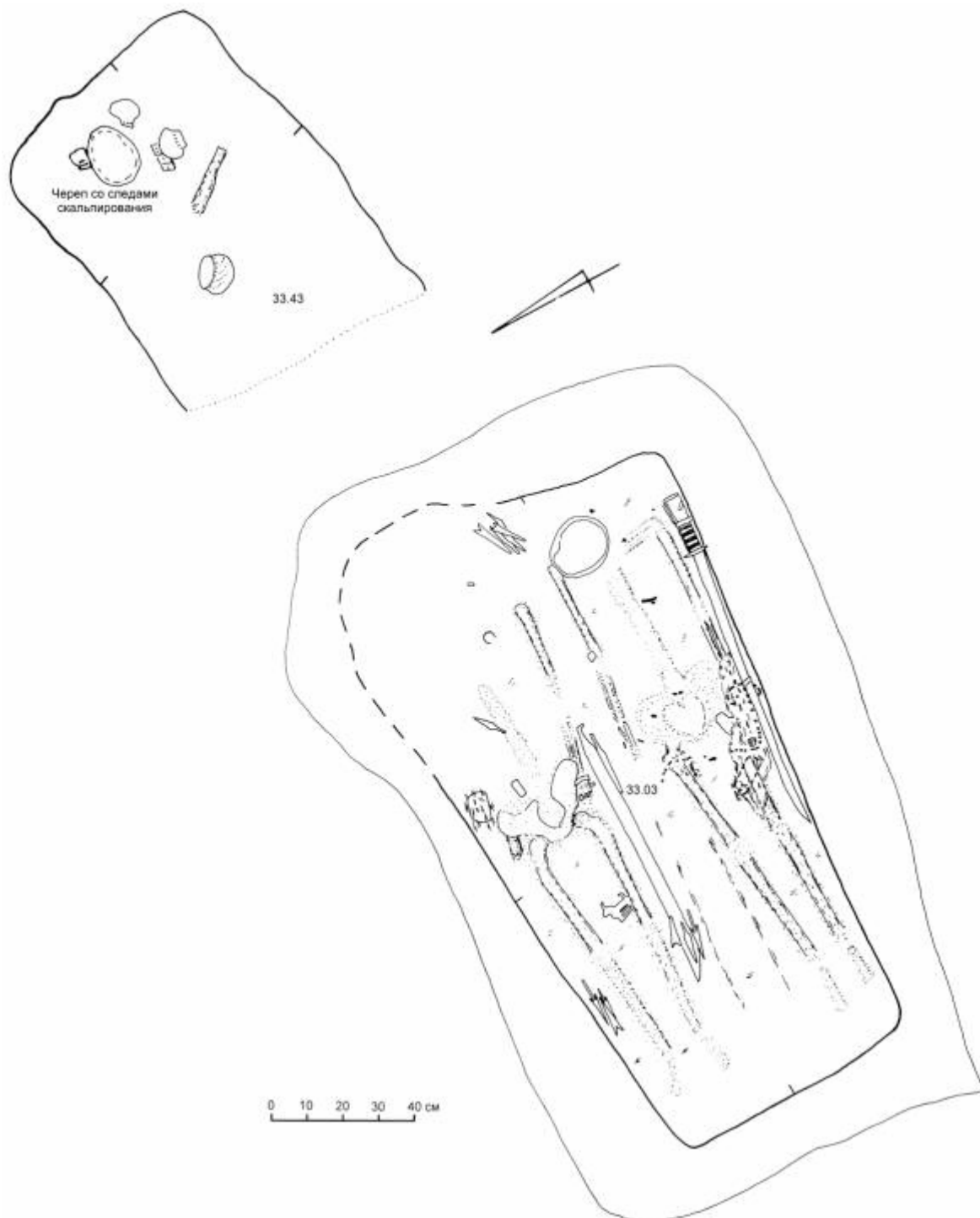

Рис. 1. План "погребения 78" и примыкающего к нему парного погребения 76

Как уже было отмечено, из человеческих останков в «погребении 78» была обнаружена только черепная крышка, со следами специфических действий (рис. 2). Это множественные, длинные узкие повреждения наружной костной пластинки, нанесенные орудием с острым лезвием. Порезы образуют неширокую полосу, располагающуюся на одном уровне в нижней части чешуи лобной

кости, на левой теменной кости, на чешуе затылочной кости. На лобной кости порезы выражены наиболее четко. На задней части теменной и на затылочной костях они видны хуже, поверхностная пластинка в этих местах существенно разрушена. Длина порезов 20–26 мм, глубина до 1 мм, края ровные, параллельные друг другу. Плоскости порезов образуют с поверхностью черепа острые (открытые вниз) или близкие к прямым углы. Оси порезов составляют с вертикальной осью черепа углы 70–80°, открытые вверх. Следов заживления нет. Патологических изменений поверхности костей свода черепа не обнаружено. Выявленные повреждения свидетельствуют о проведении циркулярного разреза кожи головы. Разрез был сделан незадолго до смерти человека или вскоре после нее.

Рис. 2. Череп со следами скальпирования из "погребения 78" Сайгатинского VI могильника

Наиболее близкие аналогии подобной травмы обнаруживаются в описании типичного процесса скальпирования, характерного для североамериканских индейцев. «Надрезание кожи производилось сериями параллельных разрезов через лоб, поверх и вокруг одного уха, через затылок вблизи затылочного бугра (nuchal crest) и поверх и вокруг другого уха. Затем производился резкий рывок для отделения кожи от головы, и скальп оказывался снятым» [Nadeau, 1944].

Практически полное совпадение деталей вышеуказанной процедуры и повреждений, обнаруженных на рассматриваемом черепе, убедительно свидетельствует в пользу того, что мы имеем дело с последствиями ритуала скальпирования.

Таким образом, находка черепной крышки из «погребения 78» подтверждает на антропологическом материале существование в средние века ритуала скальпирования среди таежных народов Западной Сибири. Техника скальпирования, восстанавливаемая для рассматриваемого черепа, полностью соответствует типичному процессу скальпирования, применявшемуся североамериканскими индейцами.

Литература

- Медникова М. Б.* Скальпирование на Евразийском континенте // РА. 2000. № 3. С. 59–68.
Патканов С. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. СПб., 1891. С. 66–67.
Dieck A. Archäologische Belege für den Brauch des Scalpierens in Europa // Neue Ausgrabungen und Forschungen in Niedersachsen. B. 4. Göttingen. 1969.
Nadeau G. Indian scalping techniques in different tribes // Ciba Symposium 1944, № 5. P. 1677–1681.
Patkanov S. Die Irtysch-Ostjaken und ihre Volkspoese. St. Petersburg, 1897. P. 17–38.